

И.А. ИСАЕВ*

**«ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОВАНИЕ»
И ГОСПОДСТВО В «БОЛЬШОЙ ПОЛИТИКЕ»
Ф. НИЦШЕ**

1. ПОЛИТИЧЕСКИЙ РЕСЕНТИМЕНТ. Макс Шелер в своем анализе феномена ресентимента заметил, что чем более фатальным представляется долгое социальное угнетение, от которого страдает отдельная личность или социальная группа, тем менее оно способно высвободить необходимые ресурсы и силы для практического изменения этого состояния и тем скорее оно готово выродиться в лишенную каких-либо позитивных целей критику существующего (Шелер при этом ссылается на пример некоторых политических партий, раздосадовать которые тем легче и сильнее, если попытаться реально осуществить их программные требования и тем самым лишить их привычной возможности гордиться своей оппозиционностью, взамен предложив им позитивное сотрудничество с властью в сфере практической государственной работы). «Ресентиментная» критика, как выясняется, на самом деле вовсе не желает того, что она демонстративно выдает за желаемое, на самом деле она критикует не для того, чтобы устранить существенное зло, а лишь использует это зло только как предлог, чтобы иметь возможность самой высказаться¹; власть же в большинстве случаев умело использует подобное двоемыслие оппозиции: «Всякая власть, которая запрещает, которая умеет вызвать страх... порождает «нечистую совесть», т.е. вызывает вожделения к чему-то с одновременным осознанием опасности

© Исаев И.А., 2007

* Доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой истории государства и права МГЮА.

¹ См.: Шелер М. Ресентимент в структуре морали. СПб., 1999. С. 23.

их удовлетворения» (Воля к власти. п. 738²). Ресентимент – это всегда за-таенное негодование и подавленная воля, остающаяся тем самым энергетическим источником, который непрерывно питает оппозиционную «волю к власти». Этот странный перевертыш с мазохистской окраской имеет самое широкое распространение как в политической практике, так и политической психологии. Другими словами, угнетение, сделавшееся для подвластных привычным состоянием, в результате порождает не что иное, как нигилизм, негативное и умозрительно отторгнутое от жизни, рабское ощущение бытия: в свое время Ницше прекрасно понял эту скрытую связь, существующую между рабской готовностью подчиняться, которую самым удивительным образом демонстрируют массы, и трансформировавшейся в ресентимент изуродованной «волей к власти», присущей, как он полагал, даже самому последнему рабу. Власть в силу жизненной необходимости должна учитывать эту проявляющуюся склонность, особенно если она принимает массовые масштабы: используя непреодолимую и могучую тягу и стремление масс к сбросу ресентимента, власть тем самым подчиняет себе все возможные сферы общественной жизни, и через проявленную негативную реакцию добивается для себя вполне позитивных результатов. Внешним образом этот акт приобретает форму «единения власти и народа», где народ, самореализуясь во власть, тем самым получает возможность реализовать важнейшую функцию, присущую только власти – право отправлять насилие: тогда и революция как выброс ресентимента, и террор как наиболее яркая и красочная форма насилия, только и занимаются тем, что устанавливают новые правила насилия, заново нормируют его, а массы же в такой ситуации начинают испытывать свой новый «религиозный» опыт – бесподобные ощущения тотального единения друг с другом через единение с властью, тогда и сама политика становится ни чем иным, как пространством сакрального, в котором растворяются прежде противостоящие друг другу «господин» и «раб», а в единстве растворяется весь индивид.

Непреходящий характер отношения «господство–рабство» у Ницше предполагает постоянное присутствие этого состояния ресентимента в среде подвластных; правовые процедуры и регламентации, юридическое равенство и «право человека» не в силах изменить ситуацию: «воля к власти», присущая всяческой экзистенции, как властителям, так и подвластным, не позволяет затухать внутреннему напряжению. Даже социальный взрыв как разрядка ресентимента и тот не достигает желаемого результата. Рабы остаются рабами даже в момент своего восстания, поскольку какими бы высокими целями этот акт не вдохновлялся, он по своей сути остается только коллективной практикой ресентимента, дающей лишь иллюзорную компенсацию для исторгаемой социальной мстительности: просто из области этического мести переливается в социальное измерение; социальная

² Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005.

революция только внешне кажется политически эффективной, поскольку она ощутимо и демонстративно направлена против политически и экономически господствующего класса (навязывающего всем остальным группам свои собственные ценности и нормы, на самом деле только освящающего его собственное господство), однако восстание низших социальных групп против высших всегда оказывается сопряженным с осознаваемым бунтом масс против господствующей рациональной морали и идеологии, в результате чего разрушение этих норм и запретов будет переживаться ими как акт не только социального, но и биологического, и психологического освобождения³. Исторический опыт показывает нам, что чем более ощутимым является разрыв между общественным положением, определяемым законом, обычаем или правовым статусом той или иной социальной группы, с одной стороны, и ее фактической и реальной властью с другой, тем более значительным, опасным и негативно-продуктивным становится напряжение ресентимента: так, большие внутренние, затаенные амбиции в сочетании с неадекватным внешним социальным положением порождают рабскую мораль подчинения, терпимости и сострадания, когда «ресентимент превращается в созидательную силу, которая порождает ценности, – это ресентимент пылких существ, которым отказано в настоящих реакциях, в настоящих поступках и которые поддерживают себя лишь воображаемой мстью»⁴, «где такая робость перед властью – в противоположность воле к власти – становится конституциональной, критикой движет ресентимент». (Ссылаясь на политический опыт современного «полупарламентаризма в германском рейхе», – его работа была издана в 1912 г., – Шелер отмечал, что парламентские баталии вполне благоприятно действуют на народное здоровье, как средство освобождения от «накопившегося в избытке ресентимента».) Максимально сильный заряд ресентимента чаще всего проявляется в таком обществе, в котором почти равные политические права и формально признанное социальное равноправие сосуществуют с огромными различиями в фактической власти, в фактическом имущественном положении и в фактическом уровне образования⁵. Прежде всего нравственное негодование и скрытый ресентимент оказываются нацеленными на произвол и властолюбие вождей, что по сути является самой фатальной формой их фактического признания (вождь – это олицетворенный ресентиментный гнев, за которым всегда тянется скандал, «лишь по видимости устраиваемый негодующими, поскольку реально действуют не они сами»): люди легкомысленно полагают, что их вожди только из одного эгоистического себялюбия готовы пойти на все для того, чтобы утвердиться в собственном

³ См.: Орбел Н. *Ессе homo* // Ницше Ф. Воля к власти. М., 2005. С. 643–644.

⁴ *Фечер И.* Фридрих Ницше и диалектика Просвещения // Ницше и современная западная мысль. СПб., 2003. С. 195–197.

⁵ См.: Шелер М. Указ. соч. С. 23–24.

властном своеволии, однако, на самом деле, как уверяет Мартин Хайдеггер, они всего лишь «неотвратимое следствие того, что сущее перешло в блуждающий способ существования, когда распространяется пустота, требующая одного единообразного порядка обеспечения сущего. Этим вызвана сама необходимость «руководства», т.е. планирующе-рассчитывающего обеспечения совокупности сущего»⁶.

Ресентимент по своему существу – реакция «рабской психологии», и поэтому обречен на существование в ситуации хронического несовпадения нормативных (статусных) притязаний со степенью фактического участия во власти. Такая «негативная воля к власти» представляет собой некий специфический и перевернутый макиавеллизм, откровенный цинизм властвования, который направлен прежде всего против самого себя: Ницше полагал, что людей развращает не только и не столько власть, сколько ее нехватка, политическое бессилие, – результатами такого негативного и дискомфортного ощущения и становятся разного рода антигосударственные установки и правовой нигилизм, – ослабление власти и утрата всех базовых, в том числе правовых ценностей, столь характерны для всего обезбоженного мира современности с его массовостью и технизацией. Несовпадение нормативного и реального, этих двух важнейших составляющих бытия властвования, порождает вначале сильную внутреннюю напряженность, переходящую затем в пассивность и нейтрализацию: нереализованные правовые и статусные возможности побуждают к полной трансформации первоначальных целей и ценностей, и те, и другие очень скоро переходят в план своего иллюзорного существования, формируя некую идеальную среду, в которой рождаются качественно новые представления. Уход от решения реальных социальных и политических проблем меняет знак самой их оценки, превращая их в свою полную противоположность, – с неизбежностью должно произойти революционное народождение нового мира, в котором старые категории будут играть совершенно новые роли, – справедливость здесь неожиданно станет произволом, демократия – диктатурой, народ – просто массой...

Ресентимент – это мелочное политическое злопыхательство, бессильное и бесперспективное, это признак политического вырождения, но именно он-то и становится тем стимулом для народождения некоей новой политики, политики крупного масштаба. Измельчание и нивелировка современных политических деятелей и политических акций знаменует собой только конец предыдущей эпохи, в течение которой политика всегда оставалась пропитанной лицемерными и нигилистическими по сути мотивами, ресентимент – это безысходно рабское состояние социальной психики, способное только к сублимации или латентному существованию, когда ни властные, ни правовые меры оказывались не в состоянии произвести его

⁶ *Хайдеггер М.* Преодоление метафизики // *Философия Мартина Хайдеггера и современность.* М., 1991. С. 226.

оздоровляющую трансформацию, и только категорический разрыв с ценностями, питающими его, мог бы еще каким-то образом изменить это положение вещей.

II. *«ВОЛЯ К ВЛАСТИ» И ВЫХОД В «БОЛЬШУЮ ПОЛИТИКУ»*. Преодолеть эту ситуацию может только новая и очень «большая политика», политика глобального масштаба и глобальных целей (у Ницше – это, однако, всего-навсего доведенная до идеала политика в смысле Платона и Макиавелли), политика «благородного обмана», ради благородных целей использующая скрытые и неявные средства, которые она применяет по отношению к непосвященным массам. «Большая политика» в конечном счете представляет собой реабилитацию того, чем некогда была «теологическая мистерия правления»⁷, – при этом массы не только не будут участвовать в отправлении власти и создании законов, они даже не будут знать об истинных целях самой этой политики, оставаясь не более чем только объектами политических проектов, разрабатываемых невидимой элитой. Представители этой элиты являются явными продолжателями того образа, который некогда создал Платон, – мудрые, жестокие, аскетичные, – они заново будут формировать глобальный политический мир в масштабах всей Земли, и для этого они будут законодательствовать, создавать новые нормы и ценности, призванные оформить творимый ими новый мир власти и могущества. Грядущая господствующая раса, о которой говорил Ницше, новые хозяева Земли – это «новая, построенная на жесточайшем само-законодательстве аристократия, в которой воле философов насилия и тиранов-художников будет дана закладка на тысячелетия: высший вид человеческого рода, который благодаря своему превосходству в воле и знании, богатстве и влиятельности, воспользуется демократической Европой как своим послушным и динамичным инструментом, чтобы взять судьбы Земли в свои руки, чтобы над самим созданием “человек” поработать как художник над произведением искусства... Наступает время, когда придется заново учиться политике» (Воля к власти. п. 960).

«Большая политика» у Ницше означает прежде всего политику господства; поэтому и термин «самозаконодательность», который он использует для ее описания, не имеет никакого отношения к традиционным демократическим процедурам и связан главным образом с моральным самообразованием самих будущих властителей, при этом «большая политика» предполагает гигантскую диспропорцию власти, возникающую между новыми властителями и новыми рабами, между небольшой группой специалистов по дисциплине и воспитанию и темными массами, служащими материалом для их эксперимента⁸. Воля к жизни у нового господина должна перерасти в волю к власти и даже владычеству, «риск, суровость, насилие,

⁷ Марти У. Ницшевская идея европейской большой политики // Ницше и современная западная мысль. СПб., 2003. С. 85.

⁸ См.: Там же. С. 83.

опасность..., неравенство прав, скрытность, стоицизм, искусство испытателя, искусы и дьявольщина всякого толка, – короче, прямая противоположность всем вождельным стадным благодатям, только и есть необходимая предпосылка для возвышения человека как типа»: мораль таких «обратных» (реакционных) намерений, предполагающая вывести человека в выси, а не в уют и заурядность, «мораль с прицелом взрастить правящую касту – будущих хозяев Земли, – такая мораль, чтобы ее можно было усвоить и проповедовать, должна по первоначалу иметь соприкосновение с существующим нравственным законом и оперировать его же словами и понятиями... Придется для начала взрастить новый человеческий вид, в котором обычной воле, обычному инстинкту будет сообщена закалка и стойкость многих и многих поколений – новый господствующий вид, господствующую касту». Нужно подготовить обратную переоценку всех ценностей, предназначенных для грядущего сильного вида людей высшей духовности и силы воли (Воля к власти. п. 957).

В «Преодолении метафизики» Мартин Хайдеггер подчеркивает, что поскольку воля к власти достигает своей предельной обеспеченности, то в качестве «всеобеспечивающей» и тотальной она оказывается единственным «направляющим», а следовательно, единственно «правильным». Нормоустанавливаемость, «законодательствование» воли к власти есть в то же время и ее самообеспечивание, – все, что она будет воливать, по сути правильно и в порядке, потому что воля к воле сама остается этим единственным порядком, – изначальное существо истины здесь утрачивается; «правильное» («законоположенное») овладевает истинным и тем самым устраняет истину⁹. При этом сама воля к власти крайне редко (только у самых достойных и могущественных) выступает в этом качестве открыто; чаще всего она умело и постоянно маскируется, так, во всех политических событиях крупного масштаба бессильные и подвластные сначала требуют для себя только «справедливости» от тех, в чьих руках находится власть; затем они начинают громко взывать к «свободе» с явной целью отделаться от тех, кто в данный момент обладает властью; наконец, они уже требуют для себя «равных прав», т.е. стремятся, пока еще сами не получили ощутимого политического перевеса, хотя бы воспрепятствовать другим соискателям и конкурентами расти в их могуществе. Ницше уверяет нас, что такая потребность в чувстве власти всегда была свойственна не только государям и вождям, но и самым низшим слоям народа, правда, оговаривается он, здесь она проявлялась в «форме и обличье права и добродетели»: средства, открытые людьми для того, чтобы обеспечить себе чувство власти, составляют едва ли не всю историю культуры, говорил Ницше в «Утренней заре»¹⁰. Во всем живом присутствует воля к власти и всякое воление есть во-

⁹ См.: *Хайдеггер М.* Преодоление метафизики. С. 223.

¹⁰ См. подр.: *Ясперс К.* Ницше. Введение в понимание его философствования. СПб., 2004. С. 424.

ление к господству; Мартин Хайдеггер, комментируя «Заратустру», отмечает, что подобная воля проявляется одинаково как в воле служащего, так и подвластного, – но не в том смысле, что этот последний стремится перестать быть «рабом», но в совершенно ином аспекте: «Он есть раб и служащий и, как таковой, вновь и вновь имеет в своем ведении некий предмет своего труда, которым он сам «повелевает». Поскольку «раб», повелевая материей труда, тем самым делает себя незаменимым и для своего неработающего господина, он привлекает его к себе, и сам начинает как бы «властвовать над господином» (здесь имеет место уже знакомый нам гегелевский мотив властвования–подчинения), – именно таким образом, бытие подвластного становится разновидностью его «воли к власти», но в самом «волеии-к-господству» никогда не было бы никакого волеия, если бы сама воля оставалась только стремлением, а не превращалась бы в поведение, действие. Хайдеггер замечает: сама воля не стремится к власти, она уже пребывает в ее сущностной сфере, поскольку сущность власти и есть воля к власти, поэтому и Ницше вместо того, чтобы говорить о «власти», просто говорит о «воле»¹¹.

«Воля к власти» может принять любую замаскированную и даже извращенную (т.е. категорически отрицающую собственное наличие, причем делая это, как правило, в страдательной и уничижительной форме) форму собственной несостоятельности. Таким маскировочным выражением может стать, например, «рабская» преданность, которая на поверку сама оказывается только рафинированной формой чувства власти, ведь для слабых вполне справедливым кажется такое представление: «Мы подчиняемся, чтобы иметь свое чувство власти», для уже обладающих могуществом характерно совершенно другое мнение: «Мы знаем, что для людей, наиболее страстно стремящихся к власти, особенно приятно чувствовать себя побежденными», – таков, по Ницше, этот извращенный психологический порядок «воли к власти», – но в плане социологическом главным социальным отношением здесь все же всегда оставалась и остается нерасторжимая и классическая пара «господство–служение», а эксплуатация – реальным следствием всякой действительной воли к власти, выступающей как реальность и изначальный факт всяческой истории: всегда и везде существует именно эта повсеместная и постоянная борьба за власть в обществе и государстве и более ничего другого¹². Власть не может остановиться на стадии удовлетворенности, т.е. на своем пределе, которого вообще-то говоря и не существует вовсе: во всех своих проявлениях власть стремится к бесконечности, власть стремится к власти даже над самой собой, – Хайдеггер был убежден, что власть властвует только тогда, когда она становится господином над уже достигнутыми ступенями властвования, и остается властью только в условиях постоянного своего возрастания, когда она, подгоняя

¹¹ См.: Хайдеггер М. Ницше. Т. II. СПб., 2007. С. 232–233.

¹² См.: Ясперс К. Указ. соч. С. 422.

себя, заставляет тем самым увеличивать себя самое. Стоит же ей застыть на какой-либо точке ступени, как тут же начинается безвластие, – власть есть повеление и, как таковое, она уполномачивает сама себя к «сверхвластвованию» над той или иной уже достигнутой ступенью власти, тем самым обеспечивая одновременно и сохранение, и возрастание власти. Но даже и само становление власти не есть просто некое «неопределенное течение каких-то смутных изменений наличных состояний» или даже целенаправленное развитие, – это всегда только «властвующее преодоление тех или иных ступеней власти»¹³. Бесконечное нарастание «воли к власти» превращает «малую политику» в большую: любой социальный или государственный организм не знает в своем нарастании собственных пределов, и только встречное движение противоборствующей ему силы способно удержать его в границах. Уговоры, договоры, этика – только лицемерные уловки слабых, они не могут задержать движение силы, но могут быть использованы ею в собственных политических целях: воля к власти порождает большую политику, а та, в свою очередь, открывает для нее безграничные перспективы и пространства.

«Большая политика» Ницше есть доведенная до совершенства политика в смысле Платона и Макиавелли, однако в этом контексте политика всегда означала только чисто инструментальную стратегическую деятельность, «не отягощенное моральными предрассудками использование власти, вплоть до злоупотребления ею, безжалостное управление с помощью хитростей и обмана», и если целью политики является господство добродетели, то ее средства могут быть совершенно недобродетельными: политическая «мораль... есть средство обеспечить чему-то долговечность, пренебрегая отдельным человеком или, скорее, поработав отдельного человека» (Воля к власти. п. 730), отсюда и все современные политические идеи, такие, как «мир», «свобода», «равенство прав», «демократия», «эмансипация» и даже уничтожение рабства кажутся Ницше поверхностными, фальшивыми, наивными и нереалистичными. Все они – принадлежность «маленькой политики», время которой уже прошло; а следующее столетие неизбежно принесет с собой борьбу за господство над Землей и тотальное принуждение к «большой политике», – так говорит Ницше в «По ту сторону добра и зла». Переход к «большой политике» потребует создания, воспитания «расы господ», из которой выйдут новые хозяева Земли. Эта новая аристократия будет основывать свое существование и деятельность на строжайшей «самозаконодательности», используя демократическую Европу, ее парламентские и законодательные традиции как наиболее гибкий и податливый инструмент обретения контроля над судьбами Земли¹⁴: предпосылки для этого уже имеются, – оправданием самого исторического существования демократии в Европе тогда станет приход возвращенного на ее

¹³ Хайдеггер М. Ницше. С. 235–236.

¹⁴ См.: Марти У. Указ. соч. С. 81–82, 84.

основе нового правящего сословия, которое установит новую форму рабства (ибо именно таков будет неизбежный конечный удел европейской демократии) и появится «высший род господствующих, кесарийских натур», который на это рабство водрузится, опираясь на него, и затем, оттолкнувшись от него, возвысится до новых своих горизонтов. Рисуя эту картину, Ницше оптимистически оценивает ситуацию: для этого вид нынешнего европейца уже внушает достаточно надежд: «Перед нами явно образуется дерзкая господствующая раса на широкой основе чрезвычайно интеллигентного человеческого стада» (Воля к власти. п. 954–955).

III. «ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВОВАНИЕ», «СВЕРХЧЕЛОВЕК» И НАСИЛИЕ. Новая «раса господ» у Ницше – это не просто новое биологическое образование, это новый социальный и культурный слой господ, который «мыслится, как реактивно возникший из «обратного торжеству посредственности движения» и состоит из двух подгрупп: первый, господский тип является средством для сохранения политического «стада», это – «пастухи»; второй становится целью, для которой вообще «стадо» только и существует, это – «чистый тип господина». Как собираются «новые господа» управлять Землей? И здесь Ницше твердо определяет форму нового господства: главным средством для этого станут служить законодательные моральные предписания, в которых основными принципами будут закреплены «опасность, жестокость, насилие, неравенство прав, скрытность, стоицизм, искусство искусителя, коварство разного рода», короче – противоположность всем традиционным стадным пожеланиям. Мораль, посредством которой человек будет воспитываться для высшего, а не для удобного и среднего, своей целью будет иметь воспитание будущих господ Земли, а по своей форме она должна будет с «явным лицемерием» примыкать к уже существующему закону и выражаться в его привычных для массы терминах и намерениях. На этой основе только и становится возможным также и возникновение целых международных союзов, ставящих своей целью воспитание «расы господ», будущих господ Земли, опирающейся на «собственное законодательство» аристократии: «в этом законодательстве воле философствующих насильников и тиранов от искусства» (явная отсылка к Платону) будет положен конец, а высший тип людей в своем неодолимом превосходстве будет при этом пользоваться институтами демократической Европы, как «самым последним и гибким орудием, чтобы завладеть судьбами Земли, чтобы в качестве художника формировать человека», – в любом случае в вопросах «большой политики» человечеству придется серьезно переучиваться: новый философ-законодатель может появиться только в связи с появлением такой господствующей касты, призванной решать вопросы «большой политики»¹⁵. Характерно, что в законодательной функции властвования насилие будет проявляться в значительно большей мере, чем то

¹⁵ См.: Вебер А. Прощание с прежней историей. Преодоление нигилизма // Избранное: кризис европейской культуры. СПб., 1999. С. 480–482.

имеет место в области исполнительной власти: «законодательствование» становится по-настоящему децизионистским актом, решительным и творческим действием, формирующим все первоначальные идеи, ценности и нормы; исполнительская же деятельность будет призвана лишь для того, чтобы реализовывать, опредмечивать и овеществлять их. Именно законодательные акции преодолевают (как и всякие новые идеи) сопротивление косной материи мира, порождая его новые структуры и институции: законодатель, а не исполнитель, по существу является управителем создаваемого им самим мира отношений, и здесь приоритетность идеи над действием вновь открывает дорогу платоновскому государственному и правовому идеальному строительству, имеющему своей конечной целью создание тотального единства властвования. «Законодательные морали – вот главное средство, с помощью которого человеку можно придать все, что угодно творческой и глубокой воле, при том, что эта художественная воля высшего ранга располагает силой и имеет возможность претворить свои творческие замыслы на протяжении длительных промежутков времени – в форме законодательств, религий и нравов» (Воля к власти. п. 957).

М. Хайдеггер, рассуждая о «большой политике» Ницше, замечает, что величие «большого стиля» берет здесь свое начало во властном размахе упрощения, которое по сути своей всегда является усилением: «поскольку большой стиль заранее налагает свой отпечаток на всякое намеченное господство над Землей и сохраняет свое соотношение с целым сущего, ему также принадлежит нечто огромное, подлинная сущность которого состоит, однако, не в одном только нагромождении безмерно многого», – огромное, свойственное большому стилю, тем не менее берет начало в малом¹⁶. Этим малым и является та простая истина, которую несет в себе новый «господин мира»: утратив веру в Бога, он сам хочет быть человеко-богом; он – творец мира и его законодатель, – отвергнув все старые ценности, он создает новые, свои собственные. Макрокосм глобальной власти складывается из малых микрокосмов «воля к власти», содержащихся в каждом живом существе, и «большая политика» не может этого не учитывать: ведь точно так же в каждом современном человеке парадоксальным образом уживаются «раб» и «господин», «воля к власти» и отрицание этой воли (что, кстати говоря, тоже является ни чем иным, как перевернутой волей к власти). Последовательно устремленным к власти, устремленным без оговорок и малодушия, будет только грядущий «сверхчеловек», выступающий в мир как некое родовое понятие, как тип, как символ и идеал (как нечто подобное «большому человеку» Сведенборга), реализуемый уже за гранью добра и зла, и уже в ином трансцендентном на данный момент для нас мире.

В сверхчеловеке уже таится его «собственная подсудность, не знающая над собой высших инстанций» (Воля к власти. п. 962), – в этой

¹⁶ См.: Хайдеггер М. Ницше. С. 272.

связи место и способ существования индивида и общества, их взаимоотношения и регулирующий их закон определяются по мере и способу той повелевающей силы, из которой они приступают к делу осуществления безусловного господства человека над самим собой: «Сверхчеловек – это порода того человечества, которое впервые волит себя самое как породу и само пробивается к ней». Порода, тип, качество – таковы онтологические признаки и основания рождающейся касты «сверхлюдей», ее рождение – объективный (почти биологический) процесс, и в нем даже шопенгауэровская воля выступает как объективная реальность. В этом процессе субъект и объект сливаются, разного рода мотивации и стремления, свойственные индивиду, растворяются в тотальности общей воли, воли к власти. В этой связи Ницше рассматривает даже справедливость только как функцию «широко озирающей себя власти, которая выходит за пределы малых перспектив добра и зла, следовательно имеет более широкий горизонт преимуществ – в намерении удержать нечто большее, чем то или это лицо», и это уже – выход за пределы всех прежних перспектив. Справедливость всегда нацелена на достижения преимущества, выгоды, поэтому она отсылает нас в область пользы, продуманного обмана и расчета: она имеет своей целью ту человеческую породу, «которую только еще надо вывести и воспитать», привить ей способность устанавливать безусловное господство над Землей, и только благодаря этому сущность чистой воли предстает перед самой собой, т.е. приходит к власти, – «общество никогда не понимало «добродетель» иначе, как средство силы, власти, порядка» (Воля к власти. п. 716).

«Сверхчеловек» – носитель истины, ее субъективация и ее создатель. Хотя истина и является необходимой ценностью для воли к власти, однако она не рассматривается Ницше ни как высшее мерило ценности, ни тем более, как высшая власть. Она есть только условие сохранения воли к власти, – а связанная с истиной справедливость рассматривается Ницше как специфический способ мышления, проистекающий из определенных прагматических оценок (также и истина есть лишь вид заблуждения, без которого не мог бы существовать определенный род живых существ, – ценность ее для жизни является ее последним основанием). В этом способе мышления упрочиваются ценности, выдержанные в определенном ракурсе условия «воли к власти»¹⁷: великий человек во всем своем «законодательствование» и действовании руководствуется долговременной логикой и обладает способностью простираť свою волю над большими пространствами своей жизни, пренебрегая мелочами; он холоднее, жестче, безоглядней, лишен добродетелей, связанных с «уважением», вообще лишен того, что относится к «добродетелям стада», он предпочитает лгать, нежели говорить правду, – ведь это стоит значительно больше ума и воли (Воля к власти. п. 962). Отказ от этических требований не означает, что «сверхче-

¹⁷ См.: *Хайдеггер М. Ницше. С. 276, 283, 286–287.*

ловек» вообще отказывается от подчинения закону. Просто этот закон он сам создает для себя, руководствуясь высшей целесообразностью, присущей его типу, касте, расе. Воля к власти движет всей его законотворческой деятельностью: эта воля становится импульсом его законодательной инициативы, формулировщиком норм и предписаний и главной санкцией, обеспечивающей их исполнение. «Законодательствование» сверхчеловека тотально, оно охватывает всю жизнь и весь мир.

Процесс творческой переоценки всех ценностей Ницше называл именно «законодательствованием»: правовые и моральные положения являются только следствием совокупности оценок, которые должны быть созданы в процессе объемлющего «законодательного философствования» (сама истина действительна лишь в борьбе за власть, где она имеет свой первоисточник и свои границы): законы в своей неприкрытой сформулированности и своем формализме убивают, живыми и истинными они бывают только тогда, когда их создают творческие законодатели, а «там, где замирает жизнь, там громоздятся законы», известно, что царства гибнут от множества законов. По Ницше, право есть только «воля к увековечиванию соответствующих отношений власти»; поэтому посредственность всегда стремится установить право только с одной целью – обеспечить себе гарантированное и благополучное существование в этом мире, и это ведет лишь к бесконечному накоплению законов; в иных случаях, лежащие в основе права властные отношения приводят к господству «благородных высот человечности», и смыслом права тогда становится обеспечение иерархии созидателей: в первом случае законодатель выступает как безличный законотворческий механизм, во втором – он становится личностью и чем-то даже большим, чем сам закон. Поэтому «необходимо, чтобы общество в качестве своей предпосылки репрезентировало высший тип “человек” и чтобы оно уже отсюда выводило свое право бороться с тем, что ему враждебно»¹⁸. За спиной закона оказывается человек великой воли, сверхчеловек, как представитель своего типа, как олицетворенная власть, диктующая формулы закона, власть одновременно и создающая, и исполняющая закон. Таким образом, вся политико-правовая деятельность общества оказывается подчиненной единственной цели – возвращению человека нового типа, – этому подчинена его законотворческая функция, для этой цели оно использует все существующие политические и правовые институты. Движущей силой этого процесса является власть, которая не может оставаться на месте, не может довольствоваться достигнутым и динамика которой требует выхода политики за пределы ее локальных побед, требует глобальных масштабов достижений, «большой политики», субъектом и организатором которой может стать только «сверхчеловек».

Чтобы обеспечить свой приоритет по отношению к праву, власть без колебаний прибегает к насилию: новые ценности, идеи и нормы вне-

¹⁸ Ясперс К. Указ. соч. С. 364, 385.

дряются в сознание масс посредством либо открытого, либо тайного насилия, путем физического или психического воздействия. Только в жестокой борьбе с темной и инертной массой может родиться индивид высшего типа, «сверхчеловек», по Ницше: «Господствующая раса способна произрасти только из ужасающих и насильственных начал», новые варвары выйдут и консолидируются только после полосы «чудовищных социалистических кризисов, – это будут элементы, которые способны на величайшую суровость к себе и смогут гарантировать волю самой долгой выдержки» (Воля к власти. п. 868), это будут люди долгой воли... Мир, порождаемый современной демократией, как это ни странно звучит, превращается в удобное средство для осуществления этого нового типа господства, – именно демократия (этот «рок, угрожающий в корне разрушить все существующее») и создает необходимые предпосылки для будущего господства, небывалого, охватывающего Землю в целом. Падение религиозной веры и крах прежних ценностей создали трагическую неуверенность в жизни и существовании почти всех слоев современного общества, превратив человека в «песок», – ненадежность существования и экзистенциальный трепет столь велики, что перед любой реальной силой, «перед каждой силой воли, которая приказывает, люди падают в прах». В этой ситуации как раз и появляются новые люди «длинной воли»; эти новые господа пользуются демократией и одновременно упраздняют ее, как таковую, – сама их сущность определяется политической конъюнктурой и складывающейся обстановкой, однако в отличие от господства народа, которое в демократических условиях, нивелирующих и развращающих, выступает как господство качеств, которые особенно характерны для массы, новое господство будет и должно вырастать из невидимой, но неразрывной «связи, существующей между субстанцией повинующихся и волей господ»: как пишет К. Ясперс, «надежду Ницше составляет отважная господствующая раса, располагающаяся над всей чрезвычайно культурной стадной массой». При этом новые господа – не просто диктаторы, отдающие свои приказания, исходя только из какой-то абстрактной истины или сверхчеловеческого величия, – они «мужи народа», в борьбе завоевывающие его доверие: организующая и насильственная власть всегда должна иметь определенное отношение к «роду того, чему должно быть организованным». Поэтому она в истинном смысле «плоть от плоти» той среды, которую она же и покоряет и над которой господствует.

Новые господа будут основывать свое правление на самом жесточком законодательстве, как по отношению к другим, так и в отношении самих себя, правление «в котором воле людей-философов, отправляющих насильственную власть, и воле тиранов-художников дается срок на тысячелетия... Высший род людей, пользующихся демократической Европой, как культурным орудием, с целью заполучить в свои руки судьбы всей

Земли, чтобы в качестве политических художников придать нужную форму самому «человеку»¹⁹, будет господствовать в веках.

IV. «САМОЕ ХОЛОДНОЕ ИЗ ЧУДОВИЩ». Актуальной формой организации в современном обществе, наиболее продуктивной и репрезентативной, является, по мнению Ницше, форма государственности с ее неоспоримой монополией на насилие, ведь именно государство становится той высшей формой «произведения искусства», посредством которой творится и весь новый мир.

Но какие бы формы государства и общества не рождались в мире, все они всегда будут оставаться формами рабства, а «те немногие, кто принадлежит самим себе», будут господами; в этой принадлежности самому себе Ницше улавливает то единственное состояние творческого мышления, в котором подлинное и невидимое господство и уже практически не действующее его понимание становятся тождественными: «Большая политика» не только выражает воли к господству, уже мыслить ее – значит, в конечном счете, обладать фактическим господством. (Ницше заявлял: «Стремление к господству мне часто представлялось внутренним признаком слабости... Наиболее могучие натуры господствуют – не в силу необходимости... даже если они при жизни хоронят себя в каком-нибудь садовом домике»²⁰.) В современной ему государственности Ницше прежде всего отмечал «чрезмерное развитие промежуточных инстанций и разного рода опосредствующих личностей», паразитирующих и дублирующих действительно работающие его органы и институты (так, «профессиональные» политики, благоденствуя, очень артистично представляют в парламентах наблюдаемое ими бедственное положение народа). В связи с этим весь социальный вопрос – только следствие нравственного и интеллектуального декаданса: особенно характерен здесь пример социализма, этого доведенного до завершения «господства ничтожнейших и глупейших», – для Ницше и «христианство, гуманизм, Французская революция и социализм – одно и то же», – при котором наступает царство небесное бедных духом. Правда, в качестве политического «крота, пребывающего под почвой пребывающего в глупости общества», социализм может оказаться даже очень полезным для дела самих будущих господ: ведь он задерживает «наступление мира на Земле» и постоянно будоражит чувство стадного и полного спокойствия, свойственного этому «стадному демократическому животному», заставляет европейцев сохранять хотя бы некоторую осторожность и остатки их прежней военной добродетели. Духовное же либеральное и гуманистическое просвещение – верное средство воспитать в людях чувство неуверенности и слабости, т.е. те качества, которые также затем могут быть с успехом использованы «новыми господами»: «смысл стада должен господствовать только в стаде», поэтому даже новую добродетель и новые

¹⁹ См.: Ясперс К. Указ. соч. С. 380–382.

²⁰ Там же. С. 398.

ценности ему, стаду, следует представлять под видом и наименованием старых и знакомых ему вещей, – так обстоит дело и с большинством демократических завоеваний Европы, – с тем большей эффективностью их можно будет использовать для установления нового господства и нового порядка²¹.

В процессе возникновения государства решающую роль чаще всего играло отнюдь не благоразумие, а спонтанные импульсы героизма и вера в то, что в мире существует нечто более высокое, чем только суверенитет отдельного лица, некое благоговение перед родом и старейшинами, перед смертью, перед чем-то духовно превосходящим и победоносным, «восторг воплощенной встречи со своим идолом». Когда же функцией государства становится главным образом закрепощение, осуществляемое в интересах и в пользу массы и посредственности, незаменимый и выдающийся человек уже не важен для государства, ему нужны теперь только «лишние» и заменимые: только «твой ранг определяет то количество могущества, которое есть ты: остальное – трусость» (Воля к власти. п. 858), и ужасным и неизбежным следствием «равенства» становится ситуация, когда каждый начинает полагать, что «имеет право на решение любой проблемы, – тогда всякой иерархии рангов придет конец» (Воля к власти. п. 860). Государство, рождающееся и существующее как иерархия, утрачивает смысл своего существования, когда становится «государством массы». Утрата метафизики иерархии и ранга (не правового статуса, не чина и должности), являющаяся следствием утраты веры, неизбежно ведет к омассовлению, процессу, в ходе которого государство «вытаскивается» из системы властеотношений. Сама же власть остается существовать уже в недрах массового общества (которое может называть себя «гражданским», оставаясь массовым по сути): власть и государственность как бы разделяются, – утратив свои органические корни, государство превращается в бездушный механизм, который власть использует только как соответствующий инструмент, в котором выдающееся значение придается только одной функции – насилию. Во всяком случае первопричиной государственности для Ницше всегда оставалась «свирепая, ненасытная, порабощающая массы насильственная власть», только ее железные скрепы и связывали воедино и одновременно осуществляли иерархическую дифференциацию аморфной массы, последняя же очень скоро забыла об этом ужасающем происхождении государственности и очень скоро государство стало восприниматься ею только как большее благо. Великой целью государственного искусства Ницше считал прежде всего достижение социальной устойчивости, которая по значению перевешивает собой все остальное, «ибо для массы она более ценна, чем свобода».

«Самым холодным из всех чудовищ» называет Ницше государство – оторванное от своей творческой основы, оно может стать силой, унич-

²¹ См.: Вебер А. Указ. соч. С. 476–478.

тожающей за счет механической нивелировки всяческое подлинное бытие человека; этот новый идол сам высокомерно заявляет о себе: «я есть народ», и Заратустра говорит в этой связи: «рождается слишком много людей, для лишних изобретено государство», ведь живущим не в государстве остается только масса²², само же государство выступает как «организованная аморальность: внутри себя – как полиция, уголовное право, сословия, торговля, семья; вовне себя – как воля к могуществу, к войне, к захватам, к мести» (Воля к власти. п. 717). Когда государство поднимается над обществом и отрывается от него, непосредственным объектом его регулирования и притязаний, а значит, и его субстанцией, остается масса. Общий и абстрактный характер регламентации относится только к ней, точно так же, как и к абстрактному человеку «без свойств». Потеряв свою реальную социальную основу, государство становится «общенародным», действительно существующая в обществе дифференциация, как и непреодолимые природные и качественные различия, существующие между людьми, формально и юридически игнорируются и становятся латентными. Ницше точно заметил, что такая тенденция к уравниванию и связанное с ней стремление к «нейтрализации» государства, свойственны одновременно как буржуазному либерализму, так и пролетарскому социализму (правда, этот последний объявлял об отмирании государства только в далеком и неопределенном будущем), – государственный нигилизм обоих течений Ницше объяснял пустотой присущей им формы, обезличенностью и абстрактностью их представлений о сущности власти. Буржуазная демократия современности не обладает никакой реальной субстанцией, она есть только «историческая форма упадка государства», тогда как радикальный социализм содействует наступающему деспотизму. При этом оба эти движения определенно способствуют деградации человека до уровня стадного животного: как образованные представители имущих сословий, так и необразованный класс неимущих рабочих одинаково широко охвачены этим нивелированием. («Европейская демократия в наименьшей мере есть высвобождение сил. Она, прежде всего, – высвобождение леностей, усталостей, слабостей» (Воля к власти. п. 762.)) В противовес этому и в целях преодоления деградации и нигилизма Ницше и выводит фигуру своего «сверхчеловека» (Карл Лёвит полагал, что эта идея, хотя и не имеет социального содержания и политического смысла (?), все же играет ключевую роль в его планах возвращения будущей элиты господ, которая даст стадному человеку демократии более конкретную цель его существования): сама посредственность большинства становится условием для появления в ее среде ярких исключений, когда рядом со «стадными животными» возникают «животные-вожаки», и демократическое равенство само по себе оказывается благодатной средой, в которой к уже народившейся новой форме рабства прибавляется «тот высший род властного и царственного духа, который основывается на нем, держится за

²² См.: Ясперс К. Указ. соч. С. 361–363.

рый основывается на нем, держится за него, возносится благодаря ему». Дрессируемость человека в демократической Европе в настоящее время уже стала чрезвычайно велика и эффективна, люди, которые столь легко обучаются и столь легко покоряются приказам, составляют теперь явное большинство: и тот, кто сам может приказывать, легко найдет здесь тех, кто должен повиноваться, – именно демократия порождает массу, так послушную «большой политике». Новые господа встанут перед массой как ее законодатели и властители одновременно, трудящиеся же массы под их руководством научатся «ощущать себя солдатами» и как солдаты беспрекословно станут исполнять то, что им прикажут.

Будущие господа Земли будут использовать нивелирование как верное средство для достижения своих целей, однако этот процесс не может не затронуть и самих основ властвования – власть постепенно начинает переходить в руки формируемых в массовом количестве посредственностей, поскольку в «мелочную эпоху» именно они и остаются в живых для неведомых целей будущего. Центры культуры и власти в человечестве смещаются в их сторону и переносятся на размытые множества людей посредственных, и сама посредственность как гарант и носительница будущего консолидируется в противостоянии господству черни и эксцентриков, – и из этого ее позиционирования для новых господ вырастает новый противник или новый соблазн. Для того, чтобы не приспособливаться к мнениям и требованиям черни и «не петь песен в угоду инстинкту тех, кому ничего не досталось в наследство», новые господа будут вынуждены сами становиться «посредственностями и солидными», т.е. обуржуазиваться, – и тогда весь уже отживший мир идеала может вновь обрести своих талантливых заступников, ведь тогда «посредственность получит ум, остроумие, гений, она станет интересной»²³.

Правовой аспект нивелирования, прямо бросающийся в глаза, это – юридическое равенство, при котором субъекты формально равны, фактически же – жестко дифференцированы по своим имущественным, политическим и антропологическим возможностям и качествам, и это несовпадение порождает новый ресентимент, за которым неотступно следуют социальная пассивность, безынициативность и бездуховность. Юридическое уравнивание тогда неизбежно превращается в процесс омассовления и технизации всего бывшего органическим, народ тогда становится массой, а индивидуальность – изолированным в толпе индивидом. Правовое уравнивание и унифицирование не могут не быть механическими процедурами обезличивания: в прокрустовом ложе юридической калибровки формуются вполне типовые (и это – при утрате самого качественного типа человека) «винтики» большой и бездушной машины, этого «самого холодного из чудовищ». Сама идея унифицированного человека рождается только в усло-

²³ *Лёвиг К.* От Гегеля к Ницше. Революционный перелом в мышлении XIX века. СПб., 2002. С. 429–432.

виях буржуазной демократии: здесь труд и производительность становятся общей нормой человеческого существования, а безличный закон и капитал – новыми трансцендентными, заменившими Бога, ценностями. Приход к власти «среднего класса», ставший следствием революции, означает не что иное, как девальвирование духовности, победу материализма и явный симптом нигилистической деградации: «средний класс» – это синоним посредственности, он – торгаш по своей натуре, и Ницше был убежден в том, что и сама эта «власть середины будет поддерживаться торговлей, инстинкт крупного финансиста не приемлет никаких крайностей. Им не нужны ни революции, ни социализм, ни милитаризм. Им необходимо время от времени нагонять страх на другие, радикальные направления, демонстрируя сколько всего у них в руках... Всюду, где есть власть, они умеют быть при власти, но использование этой власти всегда идет только в одном направлении. Как известно, благородный синоним «посредственного» – слово «либеральный» (Воля к власти. п. 864).

И либералов, и социалистов Ницше убежденно относил к негативным силам, носительницам нигилистического начала. Внешне их объединяет признак, который может показаться вполне положительным качеством, – это приоритетность труда, как особой формы существования (правда, буржуа, капиталист получает от этого способа бытия значительно большую пользу, чем эксплуатируемый ими рабочий), – труд объединяет антагонистов в едином процессе, сублимирует вечную ресентиментную напряженность и усредняет всех, без исключения, индивидов на почве производства и распределения материальных благ в рамках общества потребления. Утрата ценностей и качественных различий компенсируется всеобщностью труда, утрата привилегий и индивидуальной свободы – всеобщим равенством прав: Ницше считал главным признаком нигилизма разрушение иерархического порядка. Но нигилизм проявляется не только в процессах уничтожения, но и в попытках создать устойчивый порядок насильственным, жестоким путем, порядок, в котором человек остается прозябать, подобно роботу, – здесь нехватка смысла и понимания удачно сопрягается с работой: «Мир работы, вращающийся в самом себе и довольствующийся экономическими и техническими критериями, гонит по кругу массы рабов труда. Процесс работы, в котором гибнет все, является целесообразным, рационально продуманным, но потерявшим свой смысл. Он только заглатывает в себя все вокруг, поглощая больше, чем производит»²⁴. В нигилизме рождается и новый рабский ресентимент, глухая ненависть и протест, направленные против порядка, государства и органичности вообще: рождается некое «...социальное месиво, следствие революции, установления равных прав, суеверие «равенства людей». При этом «носители инстинкта упадка (обиды, неудовлетворенности, тяги к разрушению, анархизма и нигилизма), включая и инстинкты рабства, инстинкты трусости,

²⁴ Юнгер Ф. Ницше. М., 2001. С. 203.

хитрости... тех слоев, которых долго держали внизу, норовят смешаться с кровью всех иных сословий: еще два-три поколения – и расу невозможно будет узнать, все будет испоганено чернью» (Воля к власти. п. 864). Юридическое равенство здесь вполне достигнет своей цели, породив наряду с внешним и механическим единством нигилистическую безответственность индивида, доверившего свою политическую волю гигантскому и безликому монстру, новому Левиафану. Ницше вопрошает: «Как достигается, что государство делает уйму вещей, на которые отдельный человек никогда бы не сподобился?» И отвечает: через разделение ответственности – приказа и его исполнения – через прокладывание между ними границы из «добродетелей послушания, долга, любви к отчизне и правителям, через поддержание гордости, строгости, силы, ненависти, мести...» (Воля к власти. п. 717). И хотя, в основном, все, что человек делает на своей службе государству, по сути, претит самой его природе (Воля к власти. п. 720), все же именно государство как наиболее эффективный инструмент дисциплины и культивирования, как создатель порядка и иерархии постоянно остается обязательным атрибутом и институтом человеческого общества: и всегда этот институт неизбежно основывается на жестокости и насилии, он выполняет свои функции путем завоевания и порабощения, представляя собой классическую тиранию, безжалостную машину, предназначенную для обработки и формовки человеческого сырого материала. Поэтому и формы государственности не могут быть ничем иным, как разнообразными формами рабства: любое государство есть всегда «отнимающий» институт принуждения, организованное насилие и «предательское безумие», и поскольку секулярное государство не имеет в себе достаточного (т.е. метафизического и сакрализованного) авторитета власти, постольку оно не имеет и вполне законного права на ограничение человеческой свободы, и поэтому «дисциплинарную», т.е. регулирующую и санкционирующую саму жизнь и свободу индивидов власть может осуществлять только какая-то другая, скрытая сила. В то время, как основанная на принципе демократии политика слабеет, неконтролируемые и скрытые формы власти обретают все большую силу. Упадок демократической политики совпадает с подъемом новой разновидности «большой политики», осуществляемой «более или менее угадываемыми игроками мировой политической сцены», когда вместо демократических решений наднациональную и национальную экономику, а за ней и политику, начинают определять и формировать «темные рыночные силы и мощные личные интересы».

Народ и государство не являются отделенными друг от друга сферами: «современное государство – таков принцип легитимности – есть только исполнительный инструмент суверенной воли народа», и в этой связи Ницше указывает на два глубинных изменения, обусловленных этим принципом и происшедших в самой сущности власти: эмансипацию политики и правления от религии и постепенное ослабление самого авторитета власти. Рациональная теория «народного суверенитета» неизбежно провоцирует все новые и новые революционные перевороты в сфере социальных

отношений, и в большинстве случаев термин «народная демократия» отсылает нас уже не к политическим, но сугубо социальным и даже ментальным трансформациям: если абсолютная власть постепенно исчезает из политической сферы, она должна неизбежно исчезнуть и из других сфер общества, особенно из сферы морального поведения и морального мышления. Именно изменениям в этих областях Ницше и уделяет особое внимание, не придавая при этом особого значения таким формально правовым и общеполитическим вопросам, как легитимность политического строя, значению конституции, гражданским свободам и правам человека, политическим процедурам и формам политического участия²⁵: по своему историческому происхождению государство всегда есть прежде всего инструмент покорения и подчинения, при помощи которого кастовый военный порядок создавался из хаоса неорганизованных масс, и очевидно, что без духовного авторитета никакие политические институты не могли бы и не могут осуществлять реальной власти. Статус и ранг, так же как и всякое юридическое оформление, не могут обеспечить господствующего положения, если отсутствуют волевые и духовные его предпосылки: люди «долгой воли» сами берут и формируют нужную им власть, затем оформляя ее в ими же создаваемые правовые артикулы, – законодательствование как процесс всегда остается вторичным по отношению к первичной и исходной «воле к власти».

Материал поступил в редакцию 24.05.07.

²⁵ См.: *Марти У.* Указ. соч. С. 86–87, 92–94.